

UNITED WISDOM

У-вэй: действие без лишнего принуждения

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A08 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

У-вэй: действие без лишнего принуждения

Эпиграф

Моя ошибка — недостаток умеренности.

Жёлтый император как персонаж «Ле-цзы», книга II, начало рассказа. Наш перевод фрагмента версии Лайонела Джайлза, 1912. Это речь внутри философского повествования, а не подтверждённое историческое высказывание правителя.

О чём эта статья

Человек старается объяснить просьбу яснее, но каждое новое объяснение делает разговор тяжелее. Руководитель вводит ещё одну проверку, чтобы уменьшить ошибки, и получает больше времени на отчёты. Условные сцены различны, однако вопрос в них похож: когда усилие помогает делу, а когда начинает обслуживать собственную потребность непрерывно вмешиваться? Даосское понятие у-вэй (無為) заставляет внимательнее посмотреть на это различие.

Его трудно передать одним русским словом. Буквальное «недеяние» может звучать как призыв отказаться от действия; выражение «действие без усилия» — как обещание лёгкого успеха. Мы исследуем другой вопрос: что происходит, когда действие перестаёт насильственно подгонять происходящее под заранее выбранную форму? Обратимся к конкретным местам «Дао дэ цзина», рассказу «Ле-цзы» и сцене мастера в «Чжуан-цзы». Современные применения останутся ограниченными редакционными пробами. Они не превращают древние тексты в доказанный способ управления людьми и не требуют терпеть опасность ради красивого идеала невмешательства.

I. Действие можно оценивать по тому, что оно добавляет

Усилие и принуждение не являются синонимами. Иногда трудная работа позволяет сделать необходимое: разобраться в материалах, подготовить инструмент, договориться о сроке. Иногда дополнительные движения только затрудняют уже возможный ход. Различить эти случаи полезнее, чем заранее решить, что хорошее действие всегда должно быть лёгким или всегда должно сопровождаться преодолением.

Представим человека, который помогает другому разобраться с новой программой. Он показывает нужное окно, объясняет одну операцию и даёт попробовать. Здесь помощь

создаёт возможность. Если же он забирает мышь при каждой задержке, исправляет ещё не завершённый шаг и сопровождает попытку непрерывными подсказками, его участие может вытеснить действие ученика. Речь не о доказанном результате любого обучения. В условном примере меняется устройство помощи: человеку оставляют либо не оставляют место выполнить собственную часть.

Именно эту часть легко пропустить. Помогающий видит задачу и своё умение, но не видит промежуток, в котором другому требуется время. Когда промежуток кажется пустотой, возникает желание немедленно его заполнить. Однако отсутствие нашей команды ещё не означает отсутствия происходящего. Человек читает, сопоставляет, вспоминает или пробует. Иногда он действительно не знает следующего шага; это нужно установить, а не предположить по одной паузе.

В главе 37 «Дао дэ цзина» у-вэй связано с дао и правлением; это не инструкция отдыха утомлённому человеку. Текст помещает самоограничение действия в более широкую картину порядка. Перенос в современную ситуацию требует отдельного довода. Мы можем поставить вопрос о чрезмерном вмешательстве, сохраняя дистанцию между древней политической мыслью и конкретным рабочим разговором.

Так появляется критерий, который можно обсуждать: какое препятствие снимает данное вмешательство и какую новую зависимость создаёт? Хорошее намерение ещё не отвечает на него. Один и тот же совет может быть необходимым объяснением, ненужным повторением или заменой чужого решения. Его значение устанавливается по предмету, времени, отношениям и ответу участника. Внимание к этим различиям требует работы, даже если её результатом становится меньше внешних действий.

II. Отказ от лишнего вмешательства начинается с точного вопроса

Чтобы уменьшить нажим, недостаточно просто говорить тише. Можно сохранить прежнее требование, облечь его в ласковые слова и продолжить не замечать отказа. Принуждение определяется не громкостью голоса, а тем, как устроены возможности человека. Есть ли у него право не согласиться, изменить способ, назвать затруднение или завершить участие без назначенного наказания?

Условный руководитель просит сотрудника представить промежуточный результат. Это может быть разумной частью общего дела. Но затем он требует обновления каждый час, хотя работа не меняется настолько быстро. Полезно спросить, какое решение принимается по каждому обновлению. Если ответ отсутствует, отчётность, возможно, обслуживает желание видеть движение. Такое предположение ещё следует проверить:

бывают задачи, где частый контроль необходим из-за последствий ошибки или взаимодействия нескольких процессов.

Различие появляется при обсуждении функции. Проверка, которая обнаруживает нужный дефект вовремя, имеет предмет. Проверка, повторяющая прежнюю информацию без следующего решения, может создавать самостоятельную нагрузку. Отказ от второй не означает отмены первой. Невмешательство становится избирательным: мы убираем конкретное действие, а не объявляем надзор, помощь или организацию заведомо дурными.

В рассказе «Ле-цзы» о Жёлтом императоре сначала описаны годы заботы правителя о себе, затем изнурительные попытки упорядочить государство. Рассказ не сообщает результаты исследования управления. Он строит философское напряжение: противоположные способы напряжённого участия не приносят ожидаемой ясности. Персонаж замечает свою чрезмерность и меняет отношение к собственному вмешательству.

Из этой сцены нельзя вывести, что любой контроль бесполезен. Её полезный вопрос уже: когда человек принимает непрерывную занятость за доказательство правильного участия? Ответ требует увидеть, что делает сама ситуация и что действительно зависит от нас. Иногда прежде скрытая работа становится заметной только после того, как мы перестаём её перекрывать. Иногда обнаруживается пробел, который необходимо заполнить. Оба исхода совместимы с внимательной проверкой; заранее обещанного успеха здесь нет.

III. Мастерство не отменяет внимания к трудному месту

Кажущаяся лёгкость действия часто скрывает различения, которых наблюдатель не замечает. Знакомая операция может занимать немного времени, потому что человек умеет распознавать её устройство. Поэтому внешнее отсутствие борьбы нельзя принимать за отсутствие навыка, подготовки или труда. Если повторить только последний жест мастера, не понимая задачи, можно получить совершенно другой результат.

В книге III «Чжуан-цзы», в переводе Джеймса Легга, повар объясняет правителю своё обращение с ножом. Рассказ связывает мастерство со следованием строению того, с чем мастер работает. При сложном соединении он становится осторожнее, удерживает внимание и замедляет движение. Это важная деталь: повествование не противопоставляет умелому действию всякую остановку и всякое сознательное усилие.

Наше современное сравнение может быть гораздо скромнее. Допустим, опытный редактор видит, что текст запутан из-за одного неразличённого вопроса. Он меняет

переход и освобождает несколько абзацев от лишних объяснений. Другой редактор способен переставить те же слова, но не устранить противоречие. Ценность действия связана с распознанным отношением между частями, а не с количеством исправлений или скоростью движения пальцев.

Однако умение тоже не даёт общего разрешения действовать автоматически. Новая задача может лишь выглядеть знакомой. Изменился адресат, содержание, предел полномочий или цена ошибки. Тогда привычное движение требует проверки. Хороший навык включает возможность перестать доверять привычке там, где её основания исчезли. Иначе лёгкость становится не мастерством, а невнимательностью, которую долго не замечали благодаря благоприятным обстоятельствам.

В повествовании о поваре действие остаётся внутри определённого занятия. Его нельзя прямо превратить в модель общения: человек не является материалом, чьё строение можно изучить и затем использовать без согласия. Сходство касается внимательного отношения к условиям, а граница — свободы другого участника. Если собеседник отказывается, задача не состоит в поиске более тонкого прохода к прежнему результату. Иногда уважение к устройству ситуации означает признать, что желаемое действие сейчас не имеет совместного основания.

IV. Естественное не означает нравственно разрешённое

Одно из самых быстрых упрощений у-вэй состоит в оправдании любого спонтанного желания. Человеку хочется резко ответить; значит, он объявляет резкость естественной. Руководителю привычно принимать все решения самому; значит, он считает собственный порядок органичным. Но факт возникновения импульса ещё не объясняет, почему другие должны принять его последствия.

Можно различить по меньшей мере три смысла знакомого слова. Естественным называют то, что возникло без отдельной команды; то, что привычно человеку; то, что соответствует некоторому представлению о правильном порядке. Эти значения не тождественны. Привычка могла сформироваться под давлением. Спонтанный поступок может причинить вред. Нравственная оценка требует оснований, которые не появляются благодаря одному определению.

Представим условную семью, где один человек всегда отвечает за расписание остальных. Когда он перестаёт напоминать о каждом деле, возникает беспорядок. Был ли прежний порядок естественным? Было ли новое невмешательство ответственным? Без знания распределения обязанностей ответить невозможно. Если участники заранее договорились о передаче задачи, пауза может открыть самостоятельность. Если один молча снял с себя общую обязанность, остальные получили неожиданную нагрузку.

Поэтому современное применение нуждается в обозначенном переходе. Участникам важно понимать, что меняется, зачем и какая поддержка остаётся доступной. Оставленное пространство становится возможностью только при соответствующих условиях. Оно может стать и заброшенностью, если человек нуждался в обещанной помощи. Красивое название не решает этого различия. Следует посмотреть на обязательства, средства и реальную возможность действовать.

В главе 64 «Дао дэ цзина» соседствуют внимание к ещё малому затруднению и помощь самостоятельному развитию вещей. Эти мотивы позволяют не сводить текст к одобрению безразличия. Но древняя картина естественного порядка не устанавливает сегодняшние обязанности конкретного человека. Мы сохраняем философский вопрос о навязывании формы, а меру помощи проверяем отдельно: кому она обещана, чего требует положение и какие последствия имеет её прекращение.

V. Мягкий способ может служить жёсткой цели

Уменьшение заметного сопротивления само по себе не является этическим успехом. Иногда человек перестал возражать, потому что понял предложение. Иногда устал, испугался последствий или решил, что отказ всё равно не примут. Нельзя судить о свободе участия только по гладкости разговора. Согласованность движений и согласие участников — разные вещи.

Допустим, знакомый приглашает другого принять участие в общем деле. После отказа он перестаёт убеждать прямо, но ежедневно рассказывает, как много потеряет без помощи. Возможно, он действительно делится переживанием. Возможно, создаёт давление. Условная сцена не позволяет установить мотив. Зато доступно наблюдать форму: сохраняется ли возможность отказа или каждое упоминание возвращает человека к обязанности изменить ответ?

Здесь понятие у-вэй нельзя использовать как учебник обхода сопротивления. Смысл не в том, чтобы получить желаемое с меньшими затратами на борьбу. Вопрос касается самой склонности делать мир продолжением собственного плана. Если план не допускает чужого решения, более изящный способ осуществления не создаёт свободы. Он может сделать принуждение менее заметным для его инициатора.

Это особенно существенно там, где участники обладают разными возможностями. Тот, кто контролирует деньги, доступ или рабочее положение, способен создать давление без повышения голоса. Его спокойствие ещё не делает отношения равными. Поэтому самоограничение сильного участника иногда требует явного действия: объяснить предел просьбы, отделить её от последствий отказа, предоставить альтернативный путь и выполнить собственное обещание.

Такое действие не обязательно выглядит невмешательством. Оно создаёт условия, в которых дальнейшее участие может стать менее принудительным. Поэтому внешняя мягкость и уменьшение принуждения должны проверяться раздельно. Полезно спросить, что изменилось для другого человека, а не только для нашего чувства лёгкости. Если изменилось лишь ощущение собственной деликатности, существенная работа ещё может оставаться впереди. Ответ другого также не обязан совпасть с нашей положительной оценкой выбранного способа.

VI. Самоограничение власти имеет политический предел

Понятие у-вэй обращено не только к личной манере действия. В «Дао дэ цзине» оно связано с правлением, порядком и последствиями вмешательства для людей. Современному читателю полезно сохранить этот масштаб, даже если статья не предлагает политической программы. Иначе общественный вопрос незаметно превратится в совет одному человеку расслабиться, а устройство власти исчезнет из рассмотрения.

В главе 57 текст связывает умножение запретов и искусных установлений с неблагоприятными последствиями. Это исторический философский довод, а не измеренный универсальный эффект законодательства. Конкретную норму нельзя оценить по древности критики вмешательства. Требуются её предмет, способы исполнения, последствия и условия, для которых она создана.

В условной организации можно увидеть сходный вопрос без переноса на устройство государства. Дополнительное согласование призвано предотвратить ошибку, но иногда задерживает исправление уже известной проблемы. Тогда нужно сравнить две функции: защиту от неверного решения и возможность своевременно принять верное. Если обсуждать только первую, каждое новое разрешение будет казаться оправданным. Если только вторую, можно отменить необходимую защиту.

Самоограничение ответственного участника состоит не в исчезновении ответственности, а в объяснимом выборе того, что он оставляет другим. Кто может действовать самостоятельно? Какие сведения доступны? Где требуется согласование? Как обнаруживается ошибка? Куда обратиться, если задача остановилась? Такие вопросы придают невмешательству форму. Отказ непрерывно управлять не равен отсутствию доступного ответственного лица.

Но есть и обратный предел. Порядок, который сам поддерживает неравенство, может спокойно воспроизводиться без нашего нажима. Тогда невмешательство сохраняет преимущество сильного. Ссылкой на естественный ход нельзя оправдать отказ от защиты или выполнения обязательства. Древний вопрос о чрезмерном управлении

остаётся содержательным; современное решение также должно учитывать, кто несёт цену оставленного порядка. Для конкретных правовых обязанностей нужны актуальные нормы соответствующего места, а философский образ их не заменяет.

VII. Меньше действий ещё не означает лучшее действие

Количество движений удобно считать, но оно мало говорит о качестве участия. Можно сократить число сообщений и оставить другого без существенной информации. Можно подробно объяснить условия и благодаря этому уменьшить последующие недоразумения. Поэтому у-вэй не следует превращать в правило минимального количества слов, часов или решений. Значение имеет то, что действие делает возможным и что неоправданно навязывает.

Представим условную совместную поездку. Один участник устал обсуждать детали и предлагает просто позволить всему сложиться. Но другому нужно заранее знать время возвращения из-за собственных обязательств. Отказ от планирования снижает нагрузку первого и перекладывает неопределённость на второго. Здесь спокойное отношение к исходу не является общей свободой. Оно держится на том, что чужая цена остаётся за пределами внимания.

Более точное действие может быть коротким, но содержательным: обозначить несколько необходимых условий, оставить остальное открытым и договориться о моменте проверки. Тогда план перестаёт стремиться захватить каждую подробность. При этом он выполняет функцию, ради которой возник. Подобная договорённость не гарантирует удачную поездку; она делает яснее, какие решения уже приняты и какие ещё можно менять.

Важно также различать отказ от лишнего действия и избегание неприятного. Иногда мы называем вмешательство избыточным именно тогда, когда требуется трудный разговор. Предстоит признать ошибку, сообщить изменение или вернуть обещанное; вместо этого человек предпочитает дать ситуации развиваться самой. Мотив нельзя установить извне по одной паузе. Однако можно проверить, оставлена ли необходимая информация и выполнено ли существующее обязательство.

Внимательное самоограничение допускает неудобство. Оно может потребовать сказать меньше, но точнее; действовать реже, но вовремя; перестать переделывать чужое решение, но выполнить собственную часть. Поэтому признаком не служит приятность переживания. Иногда снижение принуждения сначала ощущается как потеря привычной опоры: больше нельзя подменять ясность постоянной активностью. Именно тогда становится важно назвать, что продолжает зависеть от нас, и не прикрывать философским понятием отказ от этой работы.

VIII. Различие между намерением и навязанной формой

Намерение необходимо для многих человеческих дел. Мы выбираем задачу, устанавливаем срок, заботимся о последствиях. Проблема начинается там, где один заранее представленный ход становится единственным допустимым воплощением цели. Тогда любое отличие от плана воспринимается как сопротивление, даже если предлагает разумный способ сделать то же самое или обнаруживает ошибку первоначального решения.

Условный человек хочет провести содержательную встречу. Он готовит вопросы, но собеседник начинает с темы, которая объясняет остальную ситуацию. Можно настойчиво вернуть порядок и получить аккуратные ответы без главного обстоятельства. Можно изменить последовательность, сохранив цель понять. Второй ход не означает отсутствия намерения. Он показывает, что намерение допускает сведения, которых не было при составлении плана.

Однако гибкость тоже нуждается в пределе. Если любое новое обстоятельство бесконечно меняет задачу, дело может не завершиться. Поэтому полезно отделить существенное изменение от просто привлекательного отвлечения. Встреча допускает иной порядок, но сохраняет согласованную продолжительность; подготовка допускает другую форму, но сохраняет необходимое качество. Участники могут пересмотреть и эти условия, если сделают это явно, а не молча заменят одно ожидание другим.

Из первичных повествований не получается универсальный алгоритм такого различения. Они обращают внимание на чрезмерность, устройство действия и способность остановить навязанный ход. Наш собственный вывод ограничен: намерение стоит проверять по тому, остаётся ли оно открытым ответу ситуации. При этом ответ другого человека не считается помехой, которую нужно научиться обходить, а последствия для участников не исчезают благодаря внутреннему спокойствию.

Начальная сцена повторяющегося объяснения теперь выглядит иначе. Возможно, нужно убрать один повтор и выслушать ответ. Возможно, прояснить недостающее условие. Возможно, признать отсутствие согласия и завершить обсуждение. У-вэй не выбирает за нас один из этих ходов. Оно помогает поставить вопрос о том, почему мы продолжаем прежнее движение. Когда этот вопрос становится конкретным, отказ от лишнего принуждения перестаёт быть красивым состоянием и становится проверяемым способом участия.

IX. Пауза имеет свою цену и свой срок

Оставить событию пространство — не значит передать ему неограниченное время. Когда один человек ждёт, другой может нести расходы ожидания. Поэтому паузу нужно рассматривать как действие с последствиями, даже если внешне никто ничего не делает. Временная граница помогает отличить внимательное невмешательство от решения, которое просто осталось невысказанным.

Представим условную пару, обсуждающую переезд. Одному требуется время понять собственное отношение; другому скоро нужно ответить о продлении жилья. Право подумать сохраняется, но оно встречается с реальным сроком общей задачи. Нельзя объявить требование ясности избыточным нажимом только потому, что оно нарушает спокойствие. Вместе с тем нельзя превратить срок в приказ немедленно почувствовать желаемое согласие. Требуется различить ответ о чувствах и решение о ближайшем действии.

Участники могут выбрать временный вариант, который не приписывает никому окончательного намерения. Его смысл — сохранить необходимую возможность, пока основной вопрос остаётся открытым. Такой вариант тоже имеет цену: деньги, неудобство, дополнительные дела. Кто её принимает и на какой срок? Эти подробности позволяют проверить, действительно ли пауза совместная. Если цену незаметно несёт только один участник, слово «естественно» скрывает распределение нагрузки.

Похожее различие возникает в работе. Иногда полезно дать человеку закончить мысль, прежде чем исправлять. Но ожидание не должно молча продолжаться после согласованного срока, если другие задачи зависят от результата. Можно заранее определить момент, когда отсутствие ответа само станет существенным сведением. Тогда следующий вопрос задаётся по условиям дела, а не по непрерывному беспокойству наблюдателя.

Это не превращает у-вэй в управление календарём. Наше применение лишь добавляет условие, без которого призыв меньше вмешиваться бывает несправедливым. Пространство для действия существует во времени, а время связано с чужими обязательствами. Уменьшая собственный нажим, полезно проверить, не увеличили ли мы тем самым неопределённость для другого. Иногда именно ясный срок позволяет затем спокойно оставить процесс без постоянных напоминаний.

X. Отпустить контроль нельзя потребовать от себя силой

Идеал ненасильственного действия способен породить ещё одно требование: человек начинает следить за каждым напряжением, стараясь добиться безупречной естественности. Любое усилие кажется признаком неправильного состояния. Теперь прежний контроль направлен внутрь; вместо одного дела возникает дополнительная задача постоянно доказывать, что всё происходит достаточно свободно.

Такое следование идеалу содержит противоречие. Если целью становится точное воспроизведение заранее воображённой лёгкости, мы снова подгоняем происходящее под форму, которую не разрешаем пересмотреть. Можно заметить усталость, раздражение или желание проверить результат и не делать из этого морального приговора. Наличие переживания ещё не устанавливает, какое действие следует выбрать. Между ним и поступком остаётся работа различения.

В условной сцене человек хочет перестать напоминать близкому о договорённости. Он замечает тревогу и решает, что сам факт тревоги означает неудачу пробы. Но предмет был уже: проверить функцию одного напоминания. Внутреннее спокойствие не являлось согласованным условием успеха. Если он выполнил собственную часть и выдержал выбранный промежуток, опыт состоялся, даже когда ощущения оказались неприятными. Это описание ограниченной процедуры, а не обещание, что переживание впоследствии исчезнет.

Можно также обнаружить, что уменьшать вмешательство сейчас нецелесообразно. Не хватает сведений, участники по-разному поняли договор или действие имеет серьёзную цену. Тогда отказ от упражнения сохраняет ту же внимательность к условиям, ради которой оно предлагалось. Философское понятие не должно становиться экзаменом на личную зрелость. Его ценность состоит в новом различении, которое можно принять, уточнить или оставить, если оно не помогает конкретному вопросу.

Вернувшись к началу, мы видим больше возможных ходов, чем просто усилить объяснение или замолчать. Можно задать один необходимый вопрос, сократить лишний повтор, назвать срок и признать чужой отказ. Действие становится менее принудительным не благодаря безупречному ощущению, а благодаря тому, что человек способен увидеть его функцию и последствия. Эта способность сохраняет и намерение, и возможность перестать осуществлять его прежним способом.

Что это значит на практике

Для добровольной пробы выберите небольшую обратимую задачу, в которой ваше повторное вмешательство не связано с безопасностью, срочным обязательством или необходимой профессиональной проверкой. Например, это может быть обсуждение бытового плана с равноправным участником. Не начинайте опыт там, где присутствуют угрозы, зависимость или наказание за отказ: сначала требуется учитывать эти реальные условия.

Назовите цель и одно действие, которое вы регулярно добавляете: повторное объяснение, проверку или исправление чужого способа. Затем сформулируйте его предполагаемую функцию. Что должно измениться после этого действия? Какое сведение оно приносит? Если функция необходима, сохраните её. Предмет пробы — только тот повтор, необходимость которого пока не ясна.

До паузы обозначьте, что остаётся вашим обязательством. Другой человек не должен угадывать, исчезла ли обещанная помощь. При совместной задаче можно заранее сказать, когда вы доступны для вопроса и когда стоит проверить результат. Затем дайте согласованный промежуток без выбранного повтора. Вы вправе отказаться от упражнения; другой участник также вправе предложить иной способ.

После этого опишите только наблюдаемое: появилось ли новое сведение, стало ли понятнее затруднение, возникла ли нагрузка, которую раньше скрывало ваше вмешательство. Ожидаемый узкий результат — ясность функции одного действия. Благоприятный исход не доказывает, что впредь нужно вмешиваться меньше во всём. Неудача также не доказывает бесполезность самоограничения: возможно, выбранный повтор выполнял необходимую работу.

Прекратите пробу, если обнаружился риск, принуждение, нарушенное обязательство или существенная неопределённость для другого участника. Вернуть помощь и пересмотреть условия — допустимый результат. Уменьшение лишнего нажима ценно лишь вместе с вниманием к тому, что ваша пауза означает для конкретного дела и людей.

Ключевая цитата

> *Чрезмерное регулирование во всём.*

Жёлтый император как персонаж «Ле-цзы», книга II, начало рассказа; фрагмент его объяснения причин государственных затруднений. Наш перевод версии Лайонела Джайлза. Фрагмент завершает вопрос о чрезмерности; это не доказательство вреда каждого правила.

Связи между традициями

Прочитанные опоры	Связь	Существенная граница
«Ле-цзы», II ↔ «Дао дэ цзин», 37 и 57	Вмешательство правителя само становится предметом рассмотрения.	Разные повествовательные и философские формы не создают готовой современной политической программы.
«Чжуан-цзы», III ↔ «Дао дэ цзин», 64	Внимание к устройству происходящего сочетается с возможностью изменить или замедлить действие.	Рассказ о мастерстве и философский текст о порядке не являются экспериментом; человек не уподобляется материалу мастера.
«Ле-цзы», II ↔ современная добровольная проба	Можно исследовать функцию собственного избыточного участия.	Наше упражнение не представляет древний ритуал или универсальную даосскую практику.

Это сопоставления внутри нескольких даосских текстов и граница их современного применения. Они не доказывают согласия всех религий или независимого возникновения одинакового учения.

Первоисточники

• «Ле-цзы». Taoist Teachings from the Book of Lieh Tzu, перевод Lionel Giles, John Murray, 1912, книга II. Прочитано начало о Жёлтом императоре и следующее повествование об обучении; легендарные способности не принимаются за установленный факт.

• «Дао дэ цзин». The Tao Teh King, перевод James Legge, Project Gutenberg 216. Главы 37, 48, 57, 63 и 64: порядок, уменьшение вмешательства и внимание к условиям действия. Это исторический перевод; его поясняющие скобки не отождествляются с однозначным смыслом китайского текста.

• «Чжуан-цзы». The Texts of Taoism, перевод James Legge, 1891, книга III, §2. Полный рассказ о поваре и сложном соединении: осторожность внутри мастерства.

Теги

у-вэй, даосизм, действие, принуждение, Ле-цзы, Жёлтый император, Лайонел Джайлз, Дао дэ цзин, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Джеймс Легг, невмешательство, самоограничение, намерение, умеренность, мастерство, внимание, навык, естественность, ответственность, помощь, согласие, отказ, власть, правление, границы, договорённость, последствия, добровольная проба, философский рассказ

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.